

- [Доде Альфонс](#)
  -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Доде Альфонс Арлезианка

Альфонс Доде
Арлезианка

Чтобы спуститься от моей мельницы в деревню, надо пройти мимо фермы, выстроенной у дороги, в глубине большого двора, обсаженного вязами. Это настоящая провансальская ферма: красная черепица, широкий коричневый фасад с неровными промежутками между окнами, а наверху -- флюгер, блок, чтобы поднимать копны на сеновал, да еще торчат оттуда наружу несколько охапок побуревшего сена.

Почему этот дом так поразил меня? Почему при виде этих закрытых ворот у меня сжималось сердце? Не могу сказать, и, тем не менее, от всего жилья веяло холодом. Слишком тихо было вокруг. Собаки не лаяли на прохожих, цесарки убегали без крика... Внутри не слышно было людского голоса. Тишина. Даже мул не звенел бубенцами... Не будь белых занавесок на окнах да дыма над крышей, можно было бы подумать, что дом нежилой.

Вчера, как раз в полдень, я возвращался из деревни и, чтобы не идти по солнцепеку, пробирался у самого забора в тени деревьев... На улице перед домом работники в молчании навивали на воз сено... Ворота были открыты. Проходя, я заглянул во двор и увидел высокого, белого как лунь старика в не по росту короткой куртке и в рваных штанах; он сидел за большим каменным столом, подперев голову руками. Я остановился. Один из работников сказал мне шепотом:

- Тс!.. Это хозяин... Он такой с тех пор, как с сыном стряслась беда.

В эту минуту женщина и мальчик, одетые во все черное, с большими тисненными золотом молитвенниками прошли мимо нас и скрылись на ферме.

Работник прибавил:

- Хозяйка и меньшей пришли из церкви от обедни. Они каждый день туда ходят с тех пор, как старший сын покончил с собой... Ах, сударь! Какое горе!.. Отец все еще носит одежду покойного, никак не хочет с ней расстаться... Но-но, миленькие!

Телега тронулась. Мне захотелось дослушать рассказ, и я попросился на воз, и там, лежа на сене, я узнал эту потрясающую историю.

Его звали Жан. Он был чудесный двадцатилетний крестьянский

парень, скромный как девушка, крепкий, с открытым лицом. Собой пригож, и женщины заглядывались на него; но у него на уме была только одна -- хорошенькая арлезианка, вся в бархате и кружевах, которую он случайно повстречал на Арльском амфитеатре. Сперва домашние этому браку не сочувствовали. Девушка слыла ветреницей, и родители ее были нездешние. Но Жан всеми силами души стремился к своей арлезианке. Он говорил:

- Я умру, если мне не позволят на ней жениться.

Ничего не поделаешь. Решено было справить свадьбу после жатвы.

И вот как-то в воскресенье вечером семья кончала обедать во дворе фермы. Обед был почти что свадебный. Невесты, правда, не было, но за ее здоровье пили неоднократно... Тут к калитке подошел мужчина и дрожащим голосом сказал, что хочет поговорить с хозяином Эстевом наедине. Эстев встал и вышел на улицу.

- Хозяин, - сказал мужчина, - вы собираетесь женить сына на мерзавке, два года я был ее любовником. Раз я говорю, - значит, и доказать могу. Вот вам письма!.. Родители все знают и обещали отдать ее за меня; но с тех пор, как за нее сватается ваш сын, ни они, ни сама красотка меня больше знать не хотят... А по-моему, выходит так: после того, что было, ей нельзя быть женой другого.

- Ладно, - сказал хозяин Эстев, просмотрев письма, - входите, выпейте стаканчик муската.

Мужчина ответил:

- Спасибо! Меня мучает не жажда, а горе.

И ушел.

Отец вернулся как ни в чем не бывало, сел за стол, и обед закончили по-прежнему весело...

В этот вечер дядюшка Эстев пошел в поле вместе с сыном. Долго не возвращались они домой; когда они пришли, мать их еще дожидалась.

- Жена, - сказал хозяин, подводя к ней сына, - приласкай его, у него горе...

Жан больше не говорил об арлезианке, но любил он ее все так же и даже еще сильнее, с тех пор как знал, что ее держал в объятиях другой. Только он был слишком горд и молчал; это-то его и сгубило, беднягу!.. Иногда он на целый день забивался в угол. В другой раз с остервенением набрасывался на работу и один управлялся за десятерых... По вечерам он выходил на Арльскую дорогу и шел до тех пор, пока не вырисовывались на фоне заката стройные городские колокольни. Тогда он возвращался. Дальше он не ходил ни разу.

Видя его всегда печальным и одиноким, домашние не знали, что

делать. Опасались, как бы не стряслось какой беды... Раз за столом мать, посмотрев на него полными слез глазами, сказала:

- Послушай, Жан, если ты все еще по ней сохнешь, мы согласны женить тебя...

Отец, красный от стыда, опустил голову.

Жан покачал головой и вышел.

С этого дня он переменял образ жизни, все время прикидывался веселым, чтобы успокоить родителей. Он опять стал появляться на танцах, в трактире, на праздниках. На выборах в Фонвьеле он вел фарандолу.

Отец говорил: "Выздоровел..." Но мать все еще была в страхе и пуще прежнего следила за сыном. Жан спал с младшим братом около чулана, где разводили шелковичных червей; бедная старуха поставила себе кровать возле их спальни. Она говорила, что ночью ей может понадобиться присмотреть за червями.

Пришел день святого Элигия, покровителя фермеров.

На ферме шел пир горой... Всем поднесли шатонефа, а простое вино рекой лилось. Потом был фейерверк, костры на гумне, цветные фонарики на всех вязах. Слава святому Элигию! Фарандолу плясали до упаду. Меньшой сжег свою новую блузу... Даже Жан казался довольным: он упрямил и мать принять участие в танцах; бедная женщина плакала от радости.

Легли в полночь. Всем надо было выспаться... Но Жан не спал. Его брат потом рассказывал, что он проплакал всю ночь. Да, уж поверьте мне, задело его за живое...

Наутро, чуть свет, мать услышала, как кто-то бегом пробежал через спальню. Ее точно что кольнуло.

- Жан, это ты?

Жан не ответил; он был уже на лестнице.

Мать мигом вскочила:

- Жан, ты куда?

Он подымается на чердак: она следом за ним:

- Сынок, ради всего святого!

Он захлопывает дверь и задвигает засов.

- Жан, сыночек, Жанно, ответь! Что ты задумал?

Ощупью, своими старыми дрожащими руками ищет она щеколду. Звук открываемого окна, шум от падения тела на выложенный плитамн двор -- и все...

Он решил, бедняга: "Я слишком люблю ее... я уйду". Ах, жалкие мы люди! На что же это похоже, если презрение не может убить любви!..

В то утро народ в деревне недоумевал, кто так горько плачет в той стороне, где ферма Эстеров.

Во дворе за каменным столом, мокрым от росы и крови, убивалась над своим мертвым сыном мать, вскочившая в чем была с постели.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)